

Командировки. Командировки, Бесконечные...

Сегодня я лечу в Красноярск. В первый раз. Сколько же в моей жизни самолётов? Бесчисленное количество. А кто-то ведь боится летать. Есть ли у меня чувство страха? Конечно, нет. Ну, может, я всё-таки немного лукавлю. Какой-то холодок неприятный присутствует, это безусловно. Поэтому я сразу сама себе начинаю рассказывать, что на машине тоже ездить опасно.

Просто я летаю много, очень. Нельзя же бояться всё время! Это невозможно. Да и потом привыкаешь.

Когда летишь за границу, то немного спокойнее: всё-таки и самолёт лучше, и доверия к западным авиакомпаниям больше. А здесь наш родной сибирский город. Соответственно, и самолёт — наш, родной Ту-154. И бортпроводницы тоже наши, родные. Поэтому самолёт немножко обшарпанный, кресла не откидываются, стены потемнели от старости, и бортпроводницы тоже не сказать, чтобы улыбались безостановочно. То есть улыбаются, конечно, но так как-то, нехотя. И нет среди них ни одного молодого человека, то есть бортпроводника. Последнее время их появилось достаточно. И это приятно. Я, когда сажусь в своё кресло, всё время проецирую: а что, если всё-таки что-нибудь случится? Кто меня будет спасать? Поэтому если оказывается в обслуживающем персонале здоровый парень или тётенька крупная, мне всегда спокойнее. И вот в таком спокойном состоянии я беру в руки толстый журнал, чтобы, прочитав пару страниц, спокойно уснуть.

Вид сегодняшнего самолёта и проводницы особого доверия не вызывает, спать как-то неохота, читать тоже. Кручу головой по сторонам. Хорошо, что у меня первый ряд. Правда, в эконом-классе, но приятно сидеть не в хвосте. А так всё же ближе к пилотам. Народу в самолёте немного, рядом со мной место до сих пор свободно, правда, пришли ещё не все, люди продолжают подниматься по трапу самолёта. За мной разместилась большая мужская компания. Сибиряки всё-таки народ породистый. Все мужики здоровые, как на подбор. И не сказать, чтобы красавцы были, нет. Но сила от них веет неимоверная, мужественность. Глядя на них, я успокаиваюсь — не нужны мне бортпроводники. С любой экстремальной ситуацией справимся. Тем более мои соседи сзади спокойно читают газеты. А то ведь сколько угодно сейчас: ещё взлететь не успели, а уже одну бутылку коньяка распили. А лететь-то нам долго.

На трапе происходит тем временем какое-то движение, не совсем обычное. Очередь застопорилась, стюардесса начала повышать голос, кого-то явно не пропускает. Я сию минуту, и уже различаю её нервные нотки:

— Я вам русским языком говорю, покажите ваш посадочный талон! Что значит был? Был да сплыл? Не морочьте мне голову, немедленно спускайтесь, ещё не хватало мне здесь безбилетников. Что значит: вы не пойдёте?!

Кто и что отвечает, мне не слышно. Доносится только тихий голос, что-то пытающийся возразить в ответ. Стюардесса неумолима. Она связки не берёт, поэтому переходит практически на крик:

— Вы что, русский язык не понимаете? Куда вы лезете? Спускайтесь с трапа, я вам говорю!

Я слушаю всю эту неприятную перепалку и удивляюсь про себя: ну, почему у нас молодёжь не учат вежливому обращению? Конечно, без билета нельзя, это ясно, и я не вникаю в ситуацию, слушаю эти выкрики стюардессы, не вдаваясь в подробности, не переставая думать о собственных проблемах. Но тон девушки всё-таки неправильный. Не знаю, кто там перед ней стоит, девчонка молодая или парень крутой. Всё равно нехорошо это, неуважительно. А именно эти нотки постоянно слышались в речи бортпроводницы. Второй же голос, тихий, больше вроде бы убеждал. Я постаралась прислушаться. Ситуация длилась уже какое-то время, начал нервничать народ — и тот, который на трапе стоял, и тот, который сидел в самолёте.

Люди начали подниматься со своих мест, выглядывать в проход — всем было интересно, что там происходит. А потом время же. Мы, между прочим, в другой город должны лететь. Ну, не задерживать же рейс! Бортпроводница думала (правда, немного по-своему) о том же и была непреклонна. Человека, стоявшего перед ней, она не пропустила.

— Да как вам не стыдно, в конце концов? Вы, старый человек, лезете тут без билета! Спускайтесь немедленно! Нет, я так не могу. Иван Игнатьевич, разбирайтесь сами. Люди до чего наглые пошли! Всё равно без талона вас никто в самолёт не посадит!

Бортпроводница влетела в салон. Длинноногая девица, вся аж покраснела и никак не могла успокоиться:

— Нет, ну обнаглели, просто обнаглели!

За ней в салон неуверенно поднялся очень пожилой человек. Бедно, но аккуратно одетый. Старенький костюм, кепка, на пиджаке планки от орденов и медалей. В трясущихся руках он сжимал кошелёк.

— Дочка, ну, не знаю я, как вышло. Ну, был у меня посадочный талон. Иначе как бы я до трапа дошёл?

— Откуда я знаю, как? Это не моё дело! Вы мне талон покажите!

— Да был талон, был. Вот куда его дел? Вот ведь дурак я старый. Мне моя всегда говорит: убирай документы сразу. Вот видишь, в дорогу кошелёк даже купила. Полпенсии потратила. В Москву, говорит, едешь, не осрамись, все деньги туда складывай. А я что? Наверное, в брюки сунул. Ой, не знаю, как вышло. Делать-то что? Ты не ругайся, дочка, ты подсажи.

Мне стало аж нехорошо от такой сцены. Я вскочила со своего места:

— Дедушка, да вы присядьте. Снимите пиджак и посмотрите внимательно все карманы.

И, обращаясь к проводнице:

— Девушка, ну, так нельзя! Вы же видите, человек уже немолодой, разнервничался. Ему помочь нужно.

— Я здесь для другой помощи!

— Да что же вы, в конце-то концов?! Посмотрите, заслуженный человек, ветеран. Ну, а если он действительно документы потерял? Что, высадите? Нелепая какая ситуация.

— Нелепая?! — стюардесса начала повышать голос. — Ну, знаете! Вам говорить хорошо! Да вы даже не представляете, сколько зайцев у нас тут ездит! Прикинутся — то она беременная, то у них дети малые. У нас, знаете ли, на борту свои правила. Учили нас этому!

— А манерам хорошим вас не учили? Или, например, уважению к старшим? Слышали про такое? — меня начало тих трясти от подобного тона и постановки вопроса.

— Что? Я сейчас лёгчиков позову. Хватит! Надоело! Мне, что ли, надо? На вас на всех сейчас управу найду. Вас, кстати, тоже захочу и высажу за то, что меня при исполнении оскорбляете. Разговорилась! Защитница нашла, — с этими словами бортпроводница ринулась в кабину пилотов.

Старик покрылся крупными каплями пота. Руки не слушались. Трясущимися пальцами он пытался доставать что-то из внутренних карманов старенького пиджачка. Посадочный талон не попался.

— Вот ведь неприятность. Ну, как же так? И тебя ведь, дочка, подвёл. Ты уж меня не защищай. Права ведь она по сути. Ну, нет билета. Что ты будешь делать! Был, а нету. Ой, расслабился я. На Парад Победы приехал. Участвовал. По Красной площади прошёл, как тогда, в 45-м. Всех нас собрали. Ну, понятное дело, кто живой. Нашли. Письмо мне такое с приглашением прислали, билет наш Совет ветеранов прямо на дом принёс. Хотел со старухой ехать — что она в жизни своей видела? Да денег не наскребли. Эх! Езжай, говорит, один, всё посмотришь, расскажешь потом. И вот ведь незадача. Нет, ну, сама посуди. Москва, впечатлений столько. Как с ума не сошёл, сам не знаю. А сегодня с утра вообще уже ничего не соображаю. Всё мысленно в голове прокручиваю; и то не забыть рассказать, и это. Шутка ли? В самом Параде Победы участвовал! По Красной площади прошёл. И ты знаешь, главное — молодым себя почувствовал. Будто бы и не было этих лет. Они ведь, знаешь, врачей пригнали, карет “скорой помощи”. А нам это всё не потребовалось. Все шли как по линейке. Вот так вот. Знай наших! Есть ещё силёнки! И вот на тебе, под самый конец такая неприятность. Делать-то что? Мне и улететь не на что будет. Да придумаю что-нибудь. Отобью моей телеграмму. Дома помогут. Обязательно помогут. Придумают что-нибудь, это точно. У нас, знаешь, люди отзывчивые. Вот только хлопот сколько доставлю. Вот ведь дурак старый.

Из кабины пилотов вышел человек в форме. За ним стояла раскрасневшаяся и какая-то очень неприятная стюардесса.

— Вот он, вот, посадочного талона нет, а на рейс лезет. А эта молодая на меня тут так ругалась, так ругалась. Иван Игнатьевич, вы видите, я вся разнервничалась. Как я смогу теперь лететь в такой ситуации? Безобразно просто!

— Света, подожди, разберёмся сейчас, — и, наклонившись к ней, проинёс потише: — Голос не повышай только. Не забывай, ты в форме.

Повернувшись к нам, пилот был достаточно доброжелателен:

— Предъявите ваши посадочные талоны. Девушка, вас это тоже касается.

Я протянула ему свой, а старик опять начал оправдываться:

— Сынок, прости, рейс тут задерживаю. Только нет у меня талона. Задевал куда-то. Ты только не подумай, что безбилетный я. Ветеранский совет мне билет покупал, на параде я был. Господи, всей деревней провожали. А я вот подвёл. Петрушка какая!

Дед трясущимися руками доставал завернутый в носовой платок паспорт. Смотреть на это не было никаких сил.

— Вы поймите, дедушка, — лётчик старался говорить мягко, — у нас существуют правила. Мы не можем взять на борт безбилетного пассажира. Мне неприятно вам об этом говорить, но вы должны покинуть борт самолёта. Объясните всё наземным службам, они обязательно вам помогут.

Из-за спины лётчика злорадно выглядывала стюардесса Света.

— Да я что, я конечно...

Дед неловко начал подниматься, пытаясь натянуть непослушными руками пиджак.

— Дед, сядь.

Мы не заметили, как рядом с нами оказалось несколько здоровых сибирских молодцов. Давно прислушиваясь к разговору, они не принимали участия — видимо, были уверены, что не стоит обращать внимания. И так всё ясно. Нечего и вмешиваться. Никто не мог подумать, что дело примет такой поворот. Сибиряки не выдержали и поднялись всей командой.

Один из них взял старика под руки, усадил удобно.

— Воды принеси, — бросил он проводнице. Та стояла не шевелясь.

— Не поняла?! Воды и таблетки какие-нибудь сердечные. Что там у вас есть? Валидол, корвалол, — он говорил тихо, но в голосе было что-то такое, что Света тут же развернулась на своих каблучках. И через минуту вернулась со стаканом воды и бутылочкой корвалола.

— Вот так, дед. Садись, пей воду и ни о чём не думай. Ты домой летишь. Не для того ты нас защищал, чтобы мы тебя сейчас бросили. Понял, дед? Всё хорошо.

Парни встали стеной, отгородив деда от лётчика и стюардессы.

— Деда в обиду не дадим. Иди в кабину и заводи двигатель. — Парень говорил спокойно, но в голосе чувствовалась такая сила, сопротивляться которой было просто страшно.

— Но как же? — попытался всё-таки пилот.

— Без старика не полетим. Ты понял?

В самолёте стояла гробовая тишина. Все напряжённо ждали. Неужели же произойдёт сейчас страшная несправедливость? Но для этого уже не было никаких шансов. Парни бы этого не допустили. Пилоту это было тоже ясно. Наверное, он нарушал свой устав и не имел права. Но существуют простые человеческие отношения и человеческая благодарность тем, кому мы обязаны жизнью. И, думаю, в душе лётчик был благодарен сибирякам, тому, что они не дали ему войти в конфликт с собственной совестью.

Лётчик молча ушёл в кабину. Через пять минут самолёт набирал высоту. Дедушка утирал слёзы, как и я, впрочем. Мы не говорили о том, что произошло. Но оба думали об одном и том же.

Не перевелись на земле русской настоящие мужики.